

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Счастливая Андо

“Мастерская П.Фоменко” всегда была интернациональной командой. Кто-то из актеров сказал автору этих строк, что только Петр Наумович Фоменко мог решиться взять на свой курс людей с такими фамилиями, как Джабраилова, Бадалов, Рахимов, etc. Недавно “Мастерская” пополнилась еще более экзотическим именем – Анн-Доминик КРЕТТА. Эта молодая очаровательная гражданка Швейцарии стала полноправным членом команды всего месяца два назад, хотя “фоменкой” является уже давно: она успела сыграть несколько примечательных ролей и на курсе в ГИТИСе, и в самой “Мастерской”. Правда, автор этих строк впервые увидел Андо (как ее для краткости называют коллеги) не в “Мастерской”, а в блистательном спектакле Алексея Левинского “Эдип” в Центре имени Вс.Мейерхольда. В нем она играла не главные, но запоминающиеся роли: сфинкса и хора. И что-то в ней сразу приковывало внимание: может быть, пластичность (она очень точно освоила сложную мейерхольдовскую технику актерского движения – биомеханику, преподаванную Левинским), а может быть, своеобразный мягкий, “застенчивый” акцент. Кстати, сама актриса немножечко комплексует по поводу собственного “физического недостатка” и считает, что никогда не выучит по-настоящему русский язык. Однако, по мнению автора этих строк, говорит она по-русски превосходно. К тому же акцент придает особую прелесть актерской индивидуальности Андо. В спектакле Миндаугаса Карбаускиса “Гедда Габлер” он даже несет серьезную смысловую нагрузку: ее нежная, ранимая, любящая Теа и своим акцентом, и рыжей гривой волос как бы противопоставлена холодному, чопорному, враждебному миру Гедды и тех, кто ее окружает. В последнем спектакле “Мастерской П.Фоменко” – “Доме, где разбиваются сердца” Бернарда Шоу в постановке Евгения Каменьковича – Андо сыграла забавную и трогательную старушку-негрятяню няню Гинесс. Думается, “проба пера” в новом жанре актрисе, безусловно, удалась.

– Андо, вы – фигура в нашем театре экзотическая и, можно сказать, уникальная. Я не знаю других таких примеров, чтобы человек, заинтересовавшись российским театром, приехал в Россию из Швейцарии и остался здесь жить. Но, прежде чем говорить о России, расскажите, как в вас попала “театральная инфекция”?

– Тяга к театру у меня началась давно. Еще в Швейцарии я ходила на курсы, каждые школьные каникулы проводила на театральных стажировках. Когда пришлось выбирать место учебы, я стала думать, куда мне поехать: во Францию, в Бельгию... И вдруг случайно узнала об одном человеке, который учился в России во ВГИКе. Почему-то сразу поняла, что поеду в Москву. Решила все в течение секунды. Передала через этого человека документы, а сама молилась, чтобы все сбылось. Потом я приехала в Москву, не зная ни одного слова по-русски. Помню до сих пор сильные впечатления от своего первого шага с трапа самолета на московскую землю.

– Но ведь многие на Западе считают, что Россия – это снег, медведи и мафия. Вы не боялись ехать сюда?

– Нет, наоборот, у меня было какое-то внутреннее предчувствие, что в Москве в театральной среде происходит то, чего больше нигде нет, и что надо ехать именно сюда.

– Вас родные не отговаривали ехать в “варварскую Россию”?

– Нет. Но потом я поняла: они думали, что я задержусь здесь максимум на год. Когда узнали, что не вернусь, немного расстроились. Но, зная, что это важно для меня, поддержали. Они любят искусство и уважают мой выбор.

– Вы говорили, что хотели ехать либо во Францию, либо в Бельгию. А почему не хотели остаться в Швейцарии? Я, к сожалению, мало знаю о швей-

царском театре, пожалуй, видел только “Види Лозанн”. Есть ли там своя театральная школа?

– Я не хотела учиться в Швейцарии, было какое-то недоверие. Да и мир хотелось увидеть. Хотя “Види Лозанн” был моим любимым театром.

– Никогда не жалели, что приехали в Россию?

– Не скажу, что пожалела. Но были моменты, когда я... задумывалась. Особенно, когда не было работы. Тогда начинала рассуждать о своих возможностях здесь, и, например, в Швейцарии. Но я верю в Судьбу.

– Но ведь для учебы в России надо было прежде всего выучить русский язык. А он, мягко скажем, не из простых...

– Мне хотелось его учить. Мне всегда казалось, что русский язык... душевный. Я дрожала, когда слушала Высоцкого.

– А родной ваш язык французский?

– Да.

– Не забывается?

– Нет, но в последнем спектакле – “Доме, где разбиваются сердца” – мне приходится говорить и по-русски, и по-французски, и я почувствовала, что мне сложно “перескакивать”. По-русски получается уже лучше. (Смех.)

– Не считаете ли вы свой акцент большой проблемой для работы в российском театре? Не испытываете ли комплексов по этому поводу?

– Я всегда считала, что это – не самое главное. Важнее, что несет актер в себе. Но поначалу меня удивляло, насколько это было важно для многих. Я рассчитывала, что, приехав в Москву, через год выучу язык. И отлично помню тот день, когда поняла: “Нет, дорогая, никогда ты

этот язык не выучишь! Он всегда останется для тебя загадкой”. (Смех.)

– Давайте продолжим исследование вашей творческой биографии. Итак, был ВГИК, а потом вдруг курс Петра Наумовича Фоменко. Как это случилось?

– Я училась во ВГИКе на курсе Райхельгауза. Мне все нравилось, но было чувство, что мы мало работаем. Поступила в Школу-студию МХАТ, там совсем дело не пошло. За это время посмотрела спектакли Петра Наумовича и поняла, что хочу к нему. Мне дали шанс показаться...

– Во время учебы не было проблем с тем, что называется разницей в менталитетах?

– Нет, я с самого начала старалась принимать все, как есть. У меня больше возникает проблем сейчас, когда прошло время и взгляд уже совершенно другой. И сама Москва за эти годы сильно изменилась, и я иногда не нахожу того, ради чего сюда приехала. А тогда на курсе в ГИТИСе я была открыта, воспринимала все с радостью. Конечно, с языком были проблемы, трудно было учить тексты. Но я благодарна Миндаугасу Карбаускису за то, что он поверил в меня и предложил серьезную роль в пушкинской “Русалке”.

– Ну, поскольку вы сами вспомнили о режиссерах, не могу не задать сложный вопрос. Вам пришлось работать с такими не похожими друг на друга творческими личностями, как Фоменко, Каменькович, Карбаускис, Левинский... Если первые трое – все же “одной группы крови”, то “формалист” Левинский – вообще не из этой когорты. У вас не было раздвоения или “растроения” личности?

– Нет, нет! Когда я работаю с кем-то из режиссеров, я ему абсолютно доверяю. Я не сомневаюсь, не задаю лишние вопросы. Не думаю: а вот тот бы сделал так... Но опыт работы с другими режиссерами остается внутри и помогает. Все, кого вы назвали, мне очень дороги, каждый раскрывал разные стороны моей натуры. Работая с ними, я получаю огромное удовольствие, но это разные сферы человека и разные “удовольствия”. Эти режиссеры – части какого-то единого целого, и все мне очень нужны.

– Вы хотели бы и в дальнейшем продолжать работать в разных направлениях или сконцентрироваться на чем-то одном?

– Это хороший вопрос, над ним надо подумать... До сих пор мне казалось, что интереснее работать в разных направлениях. То, что есть разные театры, – полезно. Но я готова пойти и только в одном направлении. Хотя не могу даже подумать, что не буду больше никогда работать с Левинским, например.

– Кстати, нет ли каких-то планов сотрудничества с ним?

– Планов нет. Просто он – человек, который очень важен для меня. И не только в профессиональном отношении, но просто в моей жизни. Ужасно жалко, что ушел наш “Эдип”, потому что это было огромное удовольствие – репетировать и играть его. Это было уникальным опытом! Там удивительно сочеталась духовная жизнь и биомеханика. Жаль, что зрители больше не увидят его. Я с удовольствием продолжала бы работать так, даже на уровне упражнения. Хотя он так и назывался: “спектакль – упражнение”.

– Вы сказали о том, что начинаете немного разочаровываться в Москве. А что вам особенно не нравится в нашей жизни вообще и в театральной, в частности?

– Ну, наверное, я скажу банальные слова... Может быть, это было и раньше, но сегодня просто яснее видно: сейчас глав-

Жизнь и сцена –

ное — деньги, популярность, слава. Людей сейчас узнают по сериалам, к которым нельзя относиться серьезно. А раньше любили настоящих актеров, театральных... Да и во всех областях жизни сейчас непонятно, что главное, какие у людей критерии.

— А в “Мастерской П. Фоменко” критерии прежние?

— Меня очень радует, что в “Мастерской” критерии хорошие, правильные. Это, наверное, благодаря тем, кто ее “держит” много лет. Они не перестают искать и не стремятся к тому, чтобы все было легче и быстрее. Это — тот глоток воздуха, которым хочется дышать.

— А вы своей работой в “Мастерской” довольны? Например, ролью Теа в “Гедде Габлер”?

— Откровенно говоря, нет.

— Почему?

— Вот если бы знала, почему, то могла бы исправить... Я еще ищу и буду искать дальше и глубже. Пока осталось много вопросов без ответов. Например, как отойти от того, что делала в дипломном спектакле, и создать нечто новое. Тогда все казалось проще, играла на уровне подсознания. Но, с другой стороны, чувства были предельно обострены, потому что болела мама...

— То есть, с накопленным жизненным опытом приходят новые творческие муки?

— Дело в том, что за это время в моей жизни многое произошло. И ту Теа я играть уже не могу. А хотелось играть ту же.

— А может быть, надо относиться к театру легче, особенно актрисе? Может быть, актерский ум, свойственный всем “фоменкам”, мешает в профессии?

— Может быть, кому-то он и мешает. Мне — нет. Потому что не считаю себя особенно умной. У меня много проблем с разбором роли: я больше существую на уровне интуиции и чувств. Сейчас наступает такой период, когда я понимаю, что этого недостаточно.

— “Фоменки” всегда отличались некоторой обособленностью, “клановостью”. Не чувствуете ли вы со стороны “стариков” настороженного отношения к себе, как к новому существу в их “семье”?

— Скорее, есть комплексы с моей стороны: я новенькая, а они уже большие актеры. С их стороны такого нет совершенно. Я удивляюсь, как мне там хорошо! Сначала, правда, было немного сложно, но вдруг я стала чувствовать себя там как дома. В театре очень хорошая обстановка, которую, наверное, создал Петр Наумович. Такое встретишь редко.

— Как вы думаете, Петру Наумовичу нравится “Гедда Габлер”?

— Я надеюсь, что ему радостно, что в его театре есть такой спектакль. И что Миндаугас соединил нескольких человек с нашего курса, которые разошлись по разным театрам.

— Недавно вы сыграли “Дом, где разбиваются сердца” Бернарда Шоу в постановке Евгения Каменьковича. Стала ли маленькая роль няни Гинесс интересной для вас, принесла ли какую-то новую краску в вашу индивидуальность?

— Роль оказалась очень глубокой. Но я продолжаю искать, потому что пока не ощутила всех граней своей Гинесс. Я еще недовольна собой. Но радостно пробовать новые краски: комедию и гротеск в сочетании с драматизмом и трогательностью...

— Теа, няня Гинесс, роли в “Эдипе” совершенно не похожи друг на друга. Вы ощущаете какую-то свою линию или, если хотите, амплуа?

— Мне всю жизнь хотелось верить, что я все могу. (Смех.) По-

тому что мне все интересно, все хочется попробовать: и характерные роли, и героинь.

— Актеры и — особенно — актрисы “Мастерской П. Фоменко” часто ходят в театры. А вы?

— Не часто. Бывают моменты, когда хожу много. А был период, когда вообще не ходила. Это не всегда бывает необходимо для профессии.

— Вы не ловите себя на мысли, что вас интересует в жизни только театр?

— Театр меня интересует в жизни больше всего. Но не он один есть в моей жизни. Если говорить об искусстве, то меня интересует многое другое: кино, живопись, музыка, например. У меня есть семья, что тоже очень важно.

— Кстати, о семье. Ваш муж — замечательный актер Владимир Топцов. Но ведь актерская

семья — это достаточно сложная “субстанция”...

— О, да! (Смех.) Мы оба очень чувствительные, ранимые. Но, с другой стороны, мы понимаем друг друга. С человеком другой профессии я вряд ли смогла бы жить. Так что выхода нет. (Смех.)

— Володя принимает все, что вы делаете в профессии? Или иногда критикует?

— Нет, пока не критиковал. Хвалит... Но, наверное, он не объективен.

— А вы с интересом следите за тем, что он делает?

— Конечно! Только мне хотелось бы его чаще видеть в хороших спектаклях и фильмах. Он — замечательный актер и заслуживает этого. Я очень этого жду...

— Вы не исключаете встречу с мужем на сцене?

— Не исключаю...

— Немного о вашей “первой профессии” — кино. Как вы к нему относитесь?

— Я, как и все, люблю кино. Хорошее кино. Но во ВГИК я попала случайно, он стал для меня просто “дверью” в Россию.

— То есть, сниматься у вас желания нет?

— Нет, почему же, есть. И я это делаю время от времени. Но хочется участвовать в качественной работе, а не только зарабатывать на хлеб.

— А вы можете себя “предложить” хорошему кинорежиссеру?

— Могу!

— Ну, и?

— Но почему-то я этим не занимаюсь. (Смех.)

— Можете ли вы построить модель своей дальнейшей жизни? Связана ли она окончательно с Россией или вы не ис-

ключаете возвращения домой?

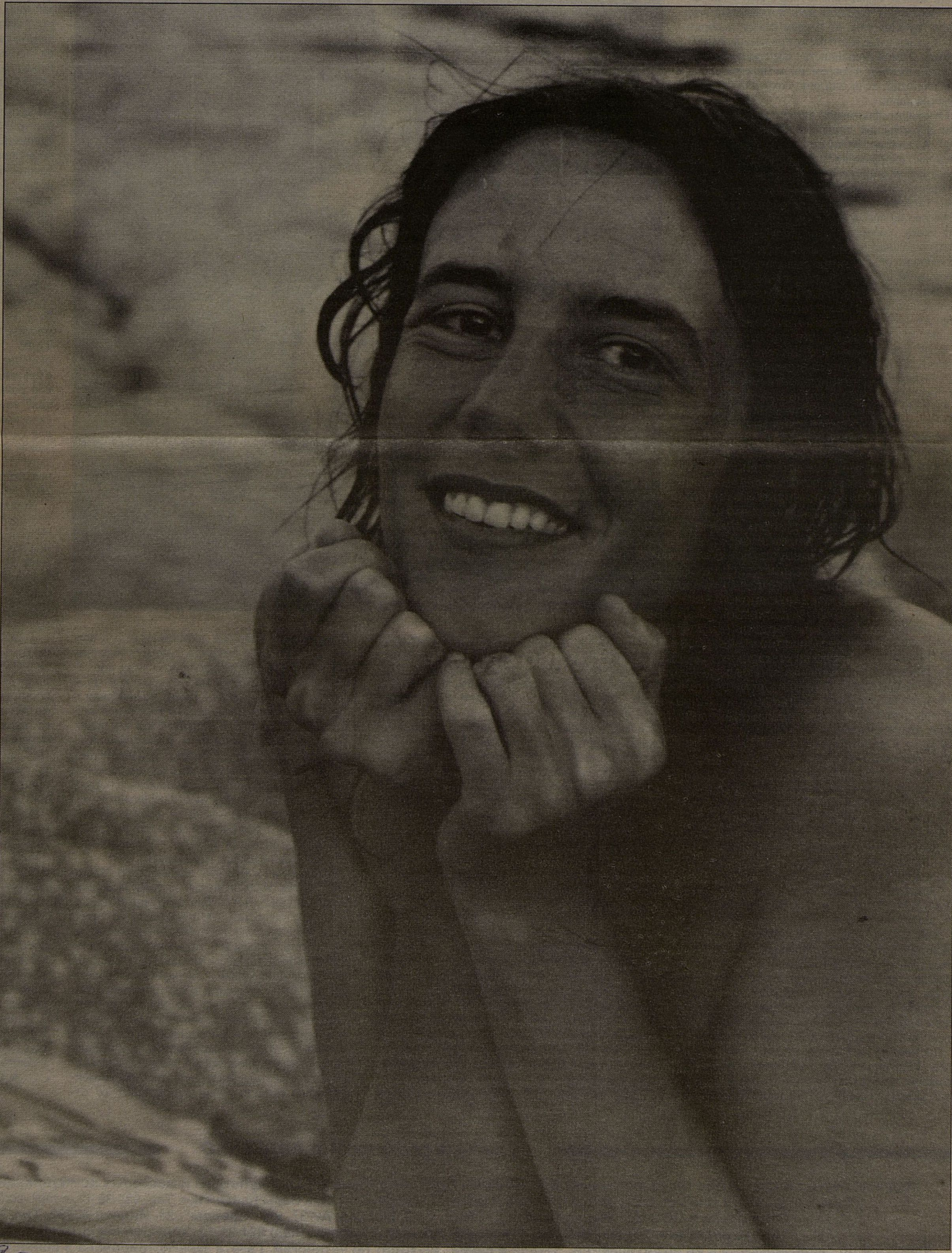
— Конкретной мысли вернуться не было. Но хочется иногда поработать и там, и здесь. Хотелось бы сыграть на своем родном языке. Ведь это совсем другие ощущения. Хочется поработать и во Франции, и в Швейцарии, и в какой-то другой стране. Но сейчас направление моей жизни мне нравится. И жить я хочу в Москве. Правда, умирать в ней я не собираюсь. (Смех.)

— Вы счастливы?

— Страшно, сказать, но — да!

Вопросы задавал Павел ПОДКЛАДОВ

● Анн-Доминик Кретта с мужем Владимиром Топцовым

Экран и сцена